

В начале бурного 1905 г. под влиянием тяжких неудач Русско-японской войны и вызванного этими неудачами общественного брожения¹, под впечатлением массовых народных выступлений в январе 1905 г. власть пошла на первые половинчатые уступки ради спасения «основных начал». Эта двойственность нашла отражение во всех важнейших актах того времени.

12 декабря 1904 г. вышел высочайший указ о «предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»². Пункт 8 указа — «устранить из ныне действующих о печати постановлений *излишние* стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы» — имел своим результатом учреждение Особого совещания для составления нового устава о печати³.

Председателем совещания был назначен директор Публичной библиотеки член-корреспондент Академии наук Д. Ф. Кобеко. К участию в работе совещания правительство привлекло представителей министерств, ведомств и периодической печати, а также вице-президента Академии наук П. В. Никитина, ординарных академиков Н. Я. Сони́на и В. О. Ключевского, почетных академиков А. Ф. Кони, К. К. Арсеньева и гр. А. А. Голенищева-Кутузова.

Основой действовавшего к моменту начала работы совещания законодательства были цензурный устав 1828 г. и закон 6 апреля 1865 г., который отменил предварительную цензуру столичных периодических изданий и книг объемом не менее 10 п. л. на русском и 20 п. л. на иностранных языках. Последующее законодательство развивалось в обратном направлении и ограничило свободу печатного слова. Общий цензурный надзор в России осуществляло Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел.

Заседания Особого совещания проходили келейно, без участия представителей прессы. Обсуждаемые вопросы ставились на голосование и решались простым большинством голосов⁴. Задача совещания была сформулирована довольно робко: предоставить печати большие облегчения, сравнительно с теми, какие были дарованы в 1865 г.

Указ 12 декабря 1904 г. предписывал поставить печатное слово в точно определенные законом пределы. Каковы будут эти пределы? Ответ на этот вопрос был далеко не безразличен для Академии наук, обязанной «расширять

---

¹ Ср. письмо А. А. Шахматова к А. Н. Веселовскому от 11. 07. 1904: Письма А. А. Шахматова А. Н. Веселовскому // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1974. Т. 33. № 2. С. 105.

² ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1907. Т. 24. Отделение 1. № 25495. С. 1196–1198.

³ Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного совета, директора императорской Публичной библиотеки, действительного тайного советника Кобеко (23 января 1905 г.) // Правительственный вестник. 26 января (8 февраля) 1905 г. № 20. С. 1; Лихоманов А. В. «Комиссия Д. Ф. Кобеко» по составлению нового устава о печати (10 февраля — 18 декабря 1905 г.) // На подступах к спецхрану. СПб., 1995. С. 11–17.

⁴ Протоколы высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913; Особое совещание для составления нового устава о печати (1905 г.). Материалы. Б. г. Ч. 1.

пределы всякого рода полезных человечеству знаний». На заседании Общего собрания 5 февраля 1905 г. академики поддержали предложение А. А. Шахматова представить на усмотрение Особого совещания Д. Ф. Кобеко свои соображения о нуждах печати как главного органа всякой научной и просветительной деятельности⁵. Была избрана специальная комиссия. В ее состав были избраны К.Г. Залеман, А.С. Лаппо-Данилевский, А.С. Фаминцын, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов.

24 марта 1905 г. экстраординарное Общее собрание обсудило доклад комиссии «О свободе печати», составленный Шахматовым и Лаппо-Данилевским⁶. Доклад носил академический характер с теоретическими и историческими экскурсами, в нем весьма обстоятельно говорилось о положении печати в России, и раскрывалась сложная система ограничений свободы печатного слова, исполненных внутренних противоречий и условностей. Авторы доклада указывали на то, что цензура сдерживала развитие просвещения и культуры в России и «приучала общество к лживой изворотливости в мышлении». При таких условиях печатное слово теряло «присущее ему значение могучего и правдивого органа духовного общения, а литературная речь утрачивала благородство и становилась тем “эзоповым” языком, которым обезображены многие из лучших произведений нашей литературы»⁷.

«Наша печать нуждается не в облегчениях, — писали авторы доклада, — она нуждается в точном определении своих прав и своих отношений к закону. Это может быть достигнуто только коренным пересмотром всего цензурного устава, а прежде всего признанием главного, неотъемлемого права печати — права на свободу»⁸.

В конце доклада указывалось на неотложность освобождения печати: «Настоящее тревожное время с особенной силой выдвигает вопрос о печати. Врагами и доброжелателями одинаково признается великое ее значение, и особенно велико оно в периоды смуты, ожиданий, общего волнения. Врагами свободной печати выставлялся всегда, выставляется и теперь ряд аргументов в пользу сохранения системы цензурных стеснений. Главный аргумент — это опасение проступков и преступлений, совершаемых посредством печати. Но пусть главным аргументом в пользу отмены несвободного состояния печати будет опасение тех произвольных действий над печатью, которые неизбежны со стороны мест и лиц, призванных распоряжаться ею по своим усмотрениям. Эти произвольные действия нарушают самые законы»⁹.

Общее собрание предлагало, не дожидаясь принятия новых законов о печати, освободить печать от системы произвола и излишних стеснений: устранить предварительную цензуру, прекратить действия иностранной и почтовой цензуры, уничтожить административные санкции «за вредное направление в органах печати», изменить порядок основания периодических изданий, выходящих без предварительной цензуры, освободить их издателей от

---

⁵ Протоколы заседаний ОС. Заседание 5 февраля 1905 г. § 33.

⁶ Там же. Заседание ЭОС 24 марта 1905 г. Приложение 1: Доклад комиссии по вопросу о свободе печати в России. С. 1–32.

⁷ Там же. С. 1.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же. С. 32.

внесения залогов и т. д.¹⁰ Свое заключение Академия направила в Особое совещание¹¹. Особое совещание обсудило заключение Академии наук по вопросу о свободе печати в России и признало целесообразным учесть его в своей работе¹².

Когда работа совещания близилась к завершению и проект нового цензурного устава был почти готов, вышел Манифест 17 октября, который дал полную свободу печати и свел на нет всю работу совещания. 15 ноября 1905 г. Кобеко сообщил членам совещания о том, что он по поручению Витте составил временные правила, которые отменяли предварительную цензуру для повременных изданий, а также административные взыскания и систему залогов и вводили ответственность за нарушение правил о печати только по суду. 24 ноября 1905 г. временные правила были утверждены Николаем II. 18 декабря 1905 г. совещание за ненадобностью прекратило свое существование¹³.

Пересмотр законодательства о печати и пункт 6 высочайшего указа от 12 декабря 1904 г., предписывавший «охранять освященную основными законами империи терпимость в делах веры» и принять меры к устранению стеснения в религиозном быте, побудил Комитет министров обсудить вопрос «об отмене ограничительных мер по изданию Св. Писания на малороссийском языке»¹⁴. В свое время именно Академия наук стала невольной виновницей цензурных ограничений издания книг на украинском языке. Первой жертвой гонения на украинскую литературу оказался Ф. С. Морачевский, переводчик Евангелия. В 1862 г. он представил свой перевод на суд Отделения¹⁵, которое признало, что переводчик блистательно выполнил свою задачу¹⁶, и просило президента Академии гр. Блудова ходатайствовать перед Св. Синодом о разрешении напечатать перевод Морачевского. Однако политическая обстановка в стране не благоприятствовала положительному решению этого вопроса.

В 1900 г. Академия наук получила перевод Ф. С. Морачевского в дар от внука переводчика с неременным условием напечатать этот труд¹⁷. Члены отделения вновь рассмотрели перевод и убедились в его неоспоримых литературных достоинствах¹⁸. В мае 1904 г. по поручению отделения Константин Константинович ходатайствовал о напечатании перевода Морачевского. Министр внутренних дел В. К. Плеве и пришедший ему на смену П. Д. Святополк-Мирский признали, что этот вопрос утратил прежнюю политическую остроту. 25 февраля 1905 г. Комитет министров принял постановление об отмене ограничительных мер по изданию Св. Писания на малороссийском языке.

---

¹⁰ Там же. С. П. Заключение Императорской Академии наук по вопросу о свободе печати в России.

¹¹ Там же. Заседание 2 апреля 1905 г. § 121.

¹² Новое время. 8 (21) апреля 1905. № 10450.

¹³ Свобода печати при обновленном строе: Сб. статей. СПб., 1912. С. 41.

¹⁴ Высочайше утвержденный, 25 февраля 1905 г., особый журнал Комитета министров об отмене ограничительных мер по изданию Св. Писания на малороссийском языке // Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 131–134.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 338. Л. 4–4 об. Письмо Ф. С. Морачевского во Второе Отделение ИАН от 4. 11. 1862.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 40 об.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 753. Л. 2–2 об.

¹⁸ Там же. Л. 7–7 об.

Академия наук поставила вопрос об отмене всех мер, стесняющих свободу печатания всех книг на украинском языке. На заседании Общего собрания 5 февраля 1905 г. под председательством знатока украинского языка Ф. Е. Корша была образована Комиссия по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова, в которую вошли представители всех трех отделений¹⁹. Уже через две недели экстренное Общее собрание обсудило доклад комиссии «Об отмене стеснений малорусского печатного слова». Исторический очерк ограничительных цензурных правил составил Ф. Е. Корш, а А. А. Шахматов научно обосновал право украинского языка и литературы на полную самостоятельность.

В исторической части доклада указывалось, как постепенно, одними секретными циркулярами стеснялись украинская публицистика, наука, музыка, театр, украинская народная школа, и это «сцепление несчастных случайностей» подвело под запрет целый язык. Шахматов доказывал историческую правомерность параллельного самобытного развития великорусского и украинского литературных языков²⁰.

«Отнять у образованных людей право писать на родном названном языке, — говорилось в докладе, — это посягнуть на то, что этим людям дорого так же, как дорога самая жизнь, это посягнуть на самую жизнь народа, ибо в чем иначе выразится она, как не в слове, носителе мысли, выразителе чувства, воплощении человеческого духа? Государство, не умеющее обеспечить одно из самых элементарных прав гражданина — права говорить печатно на родном языке, возбуждает в гражданине не уважение к себе, не любовь, а безотчетный страх за существование. Этот страх порождает недовольство и революционные стремления»²¹.

«Я очень жалел, — писал впоследствии Шахматов, — что официальный характер записки не позволил предпослать ей следующие слова Тютчева:

"Единство" — возвестил оракул наших дней, —

Быть может спаяно железом лишь и кровью"...

Но мы попробуем спаять его любовью,

А там увидим, что прочней..."»²²

Общее собрание приняло постановление о необходимости отмены всех стеснений²³. Академический доклад стал одним из опорных документов в развитии украинского национального движения в последующие годы, он имел широкое распространение в кругах украинской интеллигенции вплоть до 1917 г.²⁴.

---

¹⁹ Протоколы заседаний ОС. Заседание 5 февраля 1905 г. § 34; СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1905. Д. 22. Л. 3–8.

²⁰ Протоколы заседаний ОС. Экстраординарное общее собрание. Заседание 18 февраля 1905 г. § 73 и Приложение: Доклад Комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова. С. 1–28. Ср.: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.

²¹ Протоколы заседаний Общего собрания ИАН. 1905. № III. 18 февраля. § 73; Приложение к протоколу заседания Общего собрания 18 февраля 1905 года. Доклад Комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова. С. 22.

²² СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 893 а. Л. 2 об. Письмо А.А. Шахматова Константину Константиновичу от 29 октября 1907 г.

²³ Там же. С. 1–28.

²⁴ Материалы комиссии были опубликованы на правах рукописи: Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1905.

Исполнение высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. и его пункта 8 коснулось Академии наук самым непосредственным образом. Комитет министров своим специальным постановлением от 28 и 31 декабря 1904 г., высочайше утвержденным 21 января 1905 г., пытался навязать Академии участие в просмотре книг, предназначенных цензурой к запрещению, мотивируя это необходимостью отделить научно ценные книги от «вредных» книг политического содержания. Комитет министров указывал, что «Академия окажет большую услугу делу отечественного просвещения, содействуя своими авторитетными и беспристрастными отзывами ограждению от запрета серьезных произведений человеческой мысли»²⁵.

Мысль об участии Академии в цензурных делах была брошена в самой Академии еще в 1900 г. на заседаниях Разряда изящной словесности и ОРЯС. Почетные академики В. С. Соловьев (в 1900 г.) и К. К. Арсеньев (в 1902 г.) выступили с записками о необходимости отмены наиболее вопиющих цензурных ограничений периодической печати. 20 января 1903 г. члены второго отделения и разряда на соединенном собрании просили президента Академии возбудить перед правительством ходатайство об изменении цензурных правил²⁶, однако Константин Константинович счел подобное ходатайство несвоевременным²⁷. В конце 1904 г. он переменил свое мнение и склонился к тому, что «эти суждения могли быть не бесполезны»²⁸; более того, он вспомнил о них во время заседаний Комитета министров 28 и 31 декабря. Благодаря его обмолвке и появилось поручение Комитета министров.

Комитет министров своим постановлением предполагал расширить функции Академии наук и навязать ей обязанности цензора. Академия наук в двукратных постановлениях категорически отказалась от цензурных обязанностей, выполнение которых противоречило предназначению и духу научного учреждения²⁹. В первый раз это было сделано 5 февраля 1905 г. на основании записок И. И. Янжула и Ф. Ф. Фортунатова. Общее собрание постановило просить президента ходатайствовать об освобождении Академии от возложения на нее новых обязанностей³⁰. В «Записке Императорской Академии наук по предмету IV ст. Высочайше утвержденного 21 января с. г. положения Комитета министров» заявлено, что Академия «не согласится на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда, во всех без исключения случаях, будет отстаивать право книги на существование»³¹.

---

²⁵ Высочайше утвержденный 21 января 1905 г. Особый журнал Комитета министров 28 и 31 декабря 1904 года, о порядке выполнения пункта восьмого именного высочайшего указа от 12 декабря того же декабря // Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 510.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 5. Д. 13. Л. 69 об. По вопросу о пересмотре постановлений о цензуре и печати.

²⁷ Оpubл.: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 132–134 (постановление Соединенного собрания ОРЯС и РИС ошибочно названо постановлением Общего собрания).

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 5. Д. 13. Л. 98. Письмо Константина Константиновича В. Г. Глазову от 18. 12. 1904. Черновик карандашом.

²⁹ Протоколы заседаний ОС. Экстраординарное общее собрание. Заседание 7 мая 1905 г. § 134; Заседание 11 мая 1905 г. § 158.

³⁰ Там же. Заседание 5 февраля 1905 г. До § 39 и Приложения 1–2: Записка академика И. И. Янжула; Записка академика Ф. Ф. Фортунатова.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1905. Д. 23. Л. 26 об.

Общее собрание передало свою резолюцию президенту 14 февраля 1905 г. Президент, «взвесив все стороны суждения академиков и сопоставив их с суждениями Комитета министров», согласился с мнением академиков и направил решение Общего собрания С. Ю. Витте с просьбой освободить Академию наук от обязанности давать отзывы о книгах, признаваемых политически вредными³².

Комитет министров продолжал настаивать на участии Академии в делах цензуры в качестве эксперта научной ценности «вредоносных» книг. Академия наук вновь дала отпор правительству. В составленном академиками Шахматовым и Фортунатовым ответе Комитету министров сказано, что «Академии наук не может, по нравственным соображениям, выступать экспертом в таких делах.... Академия наук во всяком деле о запрещении книг заинтересована в пользу освобождения книги от запрета», а «если бы ее (Академию наук) спросило учреждение, ведающее запрещением книг, о значении трудов современных Третьяковских и современных Радищевых, Академия наук горячо встала бы на защиту Радищевых... В силу основных статей своего устава, Академия наук, как высшее ученое учреждение, находится в таких отношениях к науке и литературе, что в делах о запрещении книг она может выступать только постоянной их защитницей»³³.

Президент вновь ходатайствовал об освобождении Академии наук от участия в рассмотрении представленных к запрету книг. Наконец ввиду предстоящего пересмотра законов о печати и повторного заявления президента Академии Комитет оставил Академию в покое.

Академия наук, как высшее научное учреждение страны, занимала принципиальную позицию по вопросу о свободе печати в России. Именно поэтому участились нападки на Академию наук со стороны правой прессы.

---

³² Протоколы заседаний ОС. Заседание 5 марта 1905 г. § 83.

³³ Протоколы заседаний ОС. № VIII. Заседание 11 мая 1905 г. Экстраординарное. § 158; Приложение к протоколу заседания Общего собрания Академии 11 мая 1905 года.